

Чжоу Чун резко остановился.

Как известно, некоторые вещи делаются на порыве, но решиться повторить их второй раз крайне трудно.

Шань Циншань спросил: Я не учил это английское слово, судя по произношению, это гей? Что оно означает?

В этот момент Чжоу Чун почувствовал себя человеком, который сам себе выстрелил в ногу.

Это значит девственник.

Шань Циншань вытащил из кармана блокнот, собираясь записать.

Чжоу Чун пришел в ужас и накрыл страницу рукой.

Может... не надо это записывать?

— Девственник? Ты сам-то слышишь, что говоришь?

— У тебя хватило смелости сказать, а теперь хватит смелости отпустить руку?

— Министерство образования в экстренном порядке внесло это слово в программу экзаменов!

— Не трусь! Дай ему записать! Дай ему записать! Я уже не могу дождаться того дня, когда малыш Циншань узнает истинное значение!

— Я тоже хочу это увидеть, есть ли добрые люди, которые ему расскажут?

— Какой прилежный ребенок, всегда носит с собой блокнот для слов! Должно быть, отличник! Но это слово лучше не записывай, ха-ха-ха.

...

Чжоу Чун и Шань Циншань подошли к дому.

Седой старик, опираясь на дверной косяк, стоял у порога.

Малыш Циншань, ты что, по телевизору выступал?

Шань Циншань поспешно подошел и поддержал бабушку: Бабуля, почему ты встала с кровати?

Кто этот паренек позади тебя?

Чжоу Чун сделал широкий шаг вперед: Здравствуйте, бабушка. Я приехал от съемочной группы, буду жить у вас. Меня зовут Чжоу Чун.

Будешь жить у нас? Это доставит тебе неудобства.

Никаких неудобств. Мне здесь очень нравится. Не нужно готовить мне отдельную кровать, я потеснюсь с малышом Циншанем.

Бабушка чутко уловила сочетание малыш Циншань.

Она улыбнулась: Хорошо, когда есть друзья. Я только обуза для тебя, у тебя здесь даже друзей нет.

Бабуля, не говори ерунды, я провожу тебя обратно отдохнуть.

Бабушка, пошатываясь, направилась внутрь: На улице так холодно, накиньте на себя побольше одежды.

Хорошо, я понял.

Шань Циншань проводил бабушку в комнату, уложил ее и только потом повел Чжоу Чуна в дом.

Несмотря на ветхость, внутри все было разложено по полочкам, чисто и аккуратно.

В комнате у бабушки стояли цветы — какие-то безымянные, в вазе. Они цвели в этом убогом жилище, словно пробившись сквозь трещину в камне, полные невероятной жизненной силы.

Бабушка выглядела слабой, ей было трудно передвигаться.

Все заботы по дому лежали на плечах малыша Циншаня.

Чжоу Чун догадался: если в прошлой жизни малыш Циншань подписал контракт с развлекательной компанией, а в этой согласился на съемки — всё это было ради здоровья бабушки.

Раньше Чжоу Чун не видел бабушку.

Видимо, она скончалась еще до того, как он познакомился с малышом Циншанем.

Чжоу Чун посмотрел на Шань Циншаня.

Тот склонился к бабушке и тихо, ласково разговаривал с ней, его взгляд был полон нежности.

Такой худенький, хрупкий, а на нем держится весь дом.

Как же хотелось прямо сейчас собрать вещи малыша Циншаня, усадить его в машину, забрать бабушку и увезти их в большой город к хорошей жизни! Чтобы они не страдали здесь!

Но сейчас малыш Циншань с ним еще не сблизился, он точно не согласится.

Если он предложит это сразу с порога, это будет слишком бесцеремонно.

Нужно подождать.

Раз уж он пришел, он больше не позволит малышу Циншаню жить в нужде.

Войдя в комнату Шань Циншаня, Чжоу Чун понял, что означали слова про одежду.

На кровати лежали два одеяла, придавленные старой армейской шинелью.

У них не было нормальных одеял.

У Чжоу Чуна перехватило дыхание, и снова подступили слезы.

Сердце обливало кровью.

Шань Циншань ничего не заметил: Ночью будешь спать со мной. Ты взял подушку? У меня нет лишней.

Я взял.

Чжоу Чун испугался, что Шань Циншань заметит его покрасневшие глаза, быстро выбежал наружу, стащил багаж с тележки, украдкой вытер глаза рукой, присел на корточки и открыл сумку, достав два одеяла и три подушки.

Чжоу Чун сказал: Я не то чтобы пренебрегаю здешними условиями. — Он хотел сказать: я хочу дать тебе лучшее.

Чжоу Чун солгал: У меня просто аллергия.

Шань Циншань спросил: Простыню взял?

Нет.

Раз уж ты принес одеяла, ночью будем спать отдельно.

Чжоу Чун тут же выпалил: Нет!

Шань Циншань посмотрел на него.

Чжоу Чун: ...

В прошлой жизни малыш Циншань столько раз выставлял его в соседнюю комнату, что это вошло в привычку.

Чжоу Чун пояснил: Это пуховые одеяла. Если сверху накрыть хлопковым, будет невероятно тепло. Одно я отдам бабушке, а оставшимся будем укрываться вдвоем.

Упоминание бабушки сработало безотказно.

Шань Циншань кивнул.

Получив новое одеяло, бабушка многократно благодарила Чжоу Чуна.

У Чжоу Чуна на душе было беспокойно.

Шань Циншань спросил, чего он хочет поесть, Чжоу Чун ответил: лапши.

Шань Циншань сварил ему миску лапши и разбил туда два яйца.

Пока тот возился у деревенской печи, Чжоу Чун не мог ничем помочь, оставалось лишь сыпать комплиментами.

Как только миску поставили на стол, Чжоу Чун не выдержал — глаза снова покраснели, вот-вот должны были покатиться слезы.

Боясь, что это заметят, он поспешно уткнулся в миску.

Шань Циншань удивился: Никто у тебя не отбирает.

Я проголодался. — Чжоу Чун замолчал, голос его слегка дрожал. — Все-таки твоя стряпня самая вкусная.

Шань Циншань не заметил дрожи, подумал лишь, что Чжоу Чун ведет себя как голодный дух.

Наелся?

Да.

Шань Циншань добавил: И больше не называй меня малыш Циншань.

Непонятно, откуда вообще взялось это прозвище.

Почему?

Мы не настолько близки.

Чжоу Чун поднял голову и улыбнулся: Тогда завтра уже можно будет?

Завтра мы станем близки.

Как хочешь.

После ужина Чжоу Чун вызвался помыть посуду, потратил кучу времени, но все же справился.

Выйдя наружу, он увидел, что Шань Циншань на улице, у старой печи, режет овощи.

Рукава были закатаны, тонкие белые запястья обнажены на холодном ветру, а на одном из них виднелась кровоточащая ссадина.

Чжоу Чун подошел: Я помогу.

Ты не умеешь.

Чжоу Чун ответил: Не умею — научусь. Для чего это резать?

Для свиней.

Свиньи? Для забоя на Новый год? В интернете видел, что во многих местах есть такой обычай.

У Шань Циншаня такая хрупкая фигура, такие тонкие запястья, а он еще и по хозяйству работает, свиней кормит.

Как же тяжело.

Шань Циншань на мгновение замер, не отвечая, затем протянул Чжоу Чуну нож, и они вдвоем принялись крошить овощи. С помощником дело пошло куда быстрее.

Закончив, Чжоу Чун вызвался нести бадью с кормом.

Шань Циншань остановил его: Не поднимаешь.

Я каждый день железо тягаю, какая-то бадья...

Чжоу Чун дернул ее на себя.

Бадья слегка качнулась, в знак своего уважения.

Чжоу Чун усомнился в реальности происходящего.

Не верю, попробую еще раз.

В этот раз он приподнял ее, но прошел всего два шага.

Шань Циншань отстранил его и легко подхватил бадью сам.

Чжоу Чун стоял на месте, чувствуя себя странно, и снова хотел плакать. Он взял себя в руки и тихо выругал самого себя: Вот же никчемный!

Затем быстро догнал его и помог кормить свиней.

Человек, который только что много говорил, теперь молчал как воды в рот набрал.

Покормив свиней, Шань Циншань унес пустую бадью.

Чжоу Чун пошевелил губами, хотел что-то сказать, но в итоге проглотил слова, пробежал несколько шагов и забрал пустую бадью.

Она слишком тяжелая, я не потяну за раз, но могу сбегать дважды.

Шань Циншань покосился на него, через мгновение отвел взгляд и очень тихо буркнул: Угу.

Закончив со свиньями, Шань Циншань пошел греть воду, умываться и мыть ноги.

Чжоу Чун помогал ему.

Когда все было готово, Шань Циншань встал у кровати и спросил:

Хочешь спать внутри или с края?

Лампа светила тускло, на столе лежали учебники.

Боль Чжоу Чуна пролилась из покрасневших глаз.

Ты так устал.

В душе он тихо добавил: «любимая».

Шань Циншань: В те моменты, когда я шел по жизни в одиночку, это впервые кто-то, кроме бабушки, сказал мне: «Ты так устал».

<http://bllate.org/book/21913/2276486>